

Современные проблемы изучения зарубежной литературы

Н. А. Жоголева

Научный руководитель: К. В. Воронцова,
докторант (Институт восточнославянской филологии
Ягеллонского университета, Краков)

ИЗОБРАЖЕНИЕ СВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В РОМАНЕ ЛЬВА ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР» И МЕМУАРАХ СЭЙ-СЁНАГОН «ЗАПИСКИ У ИЗГОЛОВЬЯ»

Литературы Востока и Запада взаимодействовали друг с другом, так же как и западные страны взаимодействовали между собой. Первое художественное знакомство российского читателя с Японией началось с Гончарова, опубликовавшего в 1858 г. свой роман «Фрегат “Паллада”». В 1898-м в Санкт-Петербургском университете учреждается кафедра японского языка, и всего через несколько лет японоведение в этом вузе находится на высоком уровне. Под японское влияние попал и русский кинематограф. В фильме Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный» отчетливо прослеживается влияние японского театра кабуки.

В Японии знакомство с русской литературой началось с эпохи Эдо. Но под особо сильным влиянием русской литературы японские писатели и интеллигенция находились в конце XIX – начале XX в. Писатели Санэацу Мусьякодзи, Наоя Сига, Такэо Арисима и их последователи под влиянием на них творчества Л. Н. Толстого организовали группу «Белая береза».

В Японии и России были общие проблемы, которые во многом обусловили интерес к русской литературе со стороны Японии и к японской литературе со стороны России. Теперь рассмотрим это влияние на приемах изображения светского общества в двух взятых нами произведениях разных авторов как представителей восточной и западной культуры.

Форма во многом определяет содержание произведения. Произведения Сэй-Сёнагон и Льва Толстого различаются, прежде всего, тем, что первое написано в форме мемуаров, а второе в форме романа. Отсюда мы наблюдаем различную авторскую позицию к изображаемому светскому обществу. Японская писательница сама является членом этого общества. Она фрейлина при императрице. У нее сформировалось отношение преклонения перед императрицей, и мы чувствуем ее восхищение государыней на протяжении всего романа. Например, она говорит об императрице: «Как чудесно звучали в ее устах даже слова укоризны!». «Как прекрасна была государыня в эту минуту!», – говорит писательница, когда госуда-

рыня заступает за хозяина дома Наримаси. Описания ситуаций, связанных с императрицей, часто сопровождаются нотками восхищения. Императрица показывается разбирающейся в живописи, стихах, музыке — неким средоточием культурного центра. Государыня часто сравнивается с небесным созданием. Например, когда Сёнагон только поступила на службу при дворе, она говорит: «Для меня, непривычной к дворцу простушки, было непонятно, как могут такие небесные существа обитать на нашей земле». Часто подчеркивается в императрице доброта и мудрость. «Ты должна стремиться быть первой в сердце “Первого человека в стране”. Чудесные слова!» Конечно, как и при любом светском обществе, тут тоже есть свои насмешники, люди, над которыми смеются, и люди, любящие нарядно одеваться на ближайший праздник. Например, о господине канцлере Митакэ на одном из праздников она говорит так: «Могло показаться, что он слишком жарко одет по такой погоде, но все же он был великолепен!» Также автор говорит о том, что многие молодые люди пропускают мимо ушей проповедь, потому что смотрят на девушек, которые очень хорошо выглядят. В целом жизнь при дворе описывается в очень позитивных красках.

У Льва Толстого, напротив, мы наблюдаем острое обличение всех возможных пороков светского общества Петербурга и Москвы, которые он наблюдал. Санкт-Петербург, являвшийся в то время столичным городом, и по сей день отличается своей строгой и холодной красотой. Он не приветлив, неприступен и прекрасен. Он находится в одном ряду с европейскими городами, так как сам по себе является «окном в Европу». Высшее общество Петербурга представляет собой особый, замкнутый и обособленный ото всех мир со своими законами и порядками. Нравы и обычаи членов этого общества ориентированы на европейские традиции. Но первое бросающееся в глаза отличие таких людей — крайняя неестественность мыслей, слов, жестов. Представители этого круга слишком привыкли к тому, что выход в общество — это игра, где надо держать лицо и нельзя проявлять искренние эмоции и чувства. Неслучайно князь Василий, имеющий к этой категории людей прямое отношение, неоднократно сравнивается с актером.

Основной и излюбленный вид интеллектуального времяпрепровождения петербургского общества — так называемые салоны. В них велись беседы обо всем и ни о чем одновременно: обсуждались знакомые, политики и императоры, новости войны и культуры. Естественно, что общение велось «на высшем уровне» и малознакомому человеку могло показаться, что вещи, обсуждаемые этими людьми, очень важны и серьезны, а сами беседующие — начитанны и умны. Однако это не так, ведь не случайно сам автор сравнивает один из таких салонов мадам Шерер с «говорильной машинкой». Есть в этих приемах нечто равнодушное, механическое, дей-

ствующее без эмоций по заданной оператором программе.

Умного, пытливого и живого человека подобное времяпрепровождение не сможет удовлетворить – в нем слишком мало души и действительно важных слов. Однако людям, составляющим основу этого общества, подобные развлечения необходимы. У подобных салонных завсегдатаев такая манера поведения и общения распространяется и на семейную жизнь, лишенную тепла и понимания и преисполненную механического холодного расчета. Типичная петербургская семья – «клан» Курагиных.

Совсем иначе представлено общество московское. Несмотря на некоторую схожесть его с петербургским, московские дворяне вызывают большую читательскую симпатию. Первое упоминание московского высшего света – описание дома Ростовых. Утренний прием гостей, приуроченный к именинам, с одной стороны, напоминает посиделки у Шерер – те же сплетни, а также пустые разговоры и обсуждение важных дел. Масштабы разговоров меньше, как и меньше количество притворного удивления и коварства, которые полностью уходят из помещения с приходом детей. Дети приносят с собой счастье, непосредственность, свет и чистоту, и вместе с ними начинают радоваться жизни и взрослые.

На приеме полностью проявляются основные качества московского высшего общества – радушие, семейность, хлебосольство. Общество Москвы напоминает одну большую семью с общими бедами и радостями. Здесь все обо всех знают и прощают друг другу мелкие прегрешения, хотя могут и прилюдно отругать. Так, естественная для Москвы выходка Наташи Ростовой в петербургском обществе будет абсолютно неприемлема. Московский свет ближе народу, помнит и чтит его традиции. Симпатии автора – на стороне москвичей, недаром ведь Ростовы живут именно в Москве. И хотя москвичам тоже свойственны недостатки (то же сплетничество), Толстой не заостряет на них внимание. При изображении светского общества автор постоянно прибегает к приему «отстранения», позволяющему взглянуть на героев с новой, не рассмотренной ранее стороны. Так и французский язык в речи героев является таким же приемом «отстранения», позволяющим точнее передать мысли и эмоции общества, говорившего в основном на французском и немецком.

Таким образом, мы видим, что, несмотря на то что авторы описывают в своих произведениях разные светские общества (одна императорский двор, являясь частью этого двора, другой – дворянство XIX в., разделенного на два абсолютно противоположных лагеря) и используют при этом совершенно различные приемы и методы (ирония и противопоставление, срывание масок, показ как нечистоплотных членов общества, так и достойных, порядочных представителей своего круга), у них есть общее в отношении к светскому обществу и отчасти в принципах его изображения.

Они оба описывают реальное общество и реальные обычаи, порядки и некоторые традиции, заведенные в этом обществе. А различаются они тем, что по-разному относятся к данному обществу.

Таким образом, мы смогли пронаблюдать, как по-разному можно описать одно и то же светское общество. Также мы видим некое взаимодействие литератур. Вполне возможно, что Лев Николаевич Толстой читал произведение Сэй-Сёнагон и, возможно, вдохновился ее романом.

Е. Д. Безгина

Научный руководитель: А. В. Маркин,
кандидат филологических наук, доцент (УрФУ)

БИОГРАФИЧЕСКИЙ И РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ РОМАНОВ-ПРИТЧ «ПОКА МЫ ЛИЦ НЕ ОБРЕЛИ» К. С. ЛЬЮИСА И «ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ» У. ГОЛДИНГА

Два известных английских романа, ставших классикой, – «Повелитель Мух» У. Голдинга и «Пока мы лиц не обрели» К. С. Льюиса – написаны в одной и той же стране практически в одно и то же время – в 1954 г. и 1956 г.; кроме того, разница в 13 лет позволяет отнести Льюиса и Голдинга приблизительно к одному поколению (Льюис родился в 1898 г., Голдинг – в 1911 г.); оба писателя имеют приблизительно один культурно-исторический и социальный опыт.

Биографический контекст. Детство. Согласно Н. Трауберг, первые десять лет жизни К. С. Льюиса были довольно счастливыми: он любил мать и брата, однако с отцом у него всегда были сложные отношения [4, с. 24]. С. Кошелев так описывает отца писателя: «...унаследовавший от своих предков, валлийских фермеров, бурный темперамент, легко переходивший от припадков буйного гнева к приливам сентиментальной нежности. Неуравновешенность отца пугала ребенка, и он приучил себя сторониться эмоций, подходить к жизни разумно и критически. Навык критического подхода, вероятно, сказался, когда Льюис выбрал для себя карьеру ученого, но недоверие к эмоциональной жизни он позже утратил» [3, с. 8].

Можно предположить, что напряженные отношения с отцом, отцовские неуравновешенность, вспыльчивость, буйство частично отразились в соответствующем непривлекательном образе отца Оруали Трома: «...неистовствовал отец»; «Лицо его ужаснуло меня, оно было бледным от дикой ярости»; «...когда лицо Царя краснеет от гнева, он может кричать и топтать ногами»; «Отец бывает жесток, даже когда не испытывает гнева: порой ему доставляло удовольствие поизмываться над жертвой»; «И тут мой отец сорвался на крик»; «Отец тем временем белел на глазах: видно было, что он вот-вот впадет в страшное бешенство» и т. п. Оруаль также